

Елена Ерина

Её Кот

18+

Елена Ерина

Её Кот

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ерина Е.

Её Кот / Е. Ерина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вы когда-нибудь встречали в метро привлекательного, в меру brutального, безумно обаятельного... Кота? Вера и не думала, что её жизнь изменит одно маленькое пушистое существо. Что может желать одинокая сорокалетняя женщина от жизни? Завести большого чёрного кота. Окунуться в головокружительный роман с молодым парнем. А если это всё будет с одним и тем же существом?

© Ерина Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Случайных встреч на свете не бывает	5
Человек может ждать сколько угодно. Ему всего лишь нужно знать, что не зря	8
Глава 2	10
Ищи добра, а худо само придет	10
Нет ни одной проблемы, которая не несла бы в себе даров	13
Глава 3	16
Без рассуждения не твори осуждения	16
Хочешь узнать человека – соверши с ним путешествие	19
Глава 4	22
Своего спасибо не жалея, а чужого не жди	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1

Случайных встреч на свете не бывает

Впервые я встретила его в метро.

Глаза в глаза.

И между нами ещё несколько человек. Вечер пятницы и все спешат домой, отдыхать после трудовой недели. Чёрные непослушные кудри, широкие брови, выразительные чёрные глаза и пушистые ресницы, чувственные пухлые губы, и наушники, небрежно воткнутые в уши. Он кивает в такт музыке в своей голове и на секунду поднимает взгляд. Удар током. Чистый адреналин. Его зрачки расширяются и он застывает с приоткрытым ртом. Греховным, манящим ртом.

Он облизывает нижнюю губу и слегка её прикусывает, а у меня мгновенно наступает пожар внизу живота. Румянец выступает на скулах, и я опускаю глаза, успевая заметить, как он срывает наушники и старается протиснуться в толпе. По инерции поворачиваюсь к двери, ведь мне сейчас нужно выйти. В тот момент, когда двери вагона открылись, и я шагнула из него, по моей куртке скользнули чьи-то пальцы и двери между нами закрылись. Обернувшись, я увидела его по ту сторону закрывшихся дверей, и готовящийся отбыть поезд тронулся. В его глазах была паника.

Через 2 часа

Сердце заплотило стучалось в мои рёбра, но я упрямо шла вверх по лестнице своего старенького подъезда. Грузённая сумками, толком не вижу куда наступаю. После пары соскальзываний с протоптанных за годы использования ступеней, иду, тщательно проверяя ногой.

Не спасает.

Очередной шаг, и судорожно взмахиваю пакетами под аккомпанемент кошачьего, басовитого «Мяуфф». Чёрная молния выскакивает из-под ног и тенью несётся к порогу моей квартиры. Крупный чёрный кот со слегка волнистой шерстью жмётся к двери и тихо фыркает, вздёргивая мощную лапу к морде, как будто вытирая слезу. Бросаю пакеты и тяну руки к этому мимимишному товарищу, получаю по руке лапой, и тут же включается его «моторчик». Открываю дверь в квартиру и, недолго думая, зову его на кухню.

– Кис-кис-кис... как бы тебя назвать?

Кот с видом мученика проскальзывает к мойке и жалобно просит. Видимо, хочет кушать.

– Будешь рыбу? – тяну руку к мойке, в которой с утра размораживала себе на уху небольшую рыбёшку форели.

Брезгливое фырканье в ответ.

– А что тебе, мясо? – усмехаюсь в ответ.

Поощрительное касание лбом моей ноги. И снова моторчик.

– Хищник!

И прямо вижу, как его морда ухмыляется.

– Сначала мыться, – строго говорю.

Он всё понимает, идёт в ванну, а на спине шкура поддёргивается. Так обычно делают кошки, когда им неприятно. Но он запрыгивает в ванну, встаёт передними лапами на бортик и выжидательно смотрит на меня.

– Сначала я переоденусь, – иду в комнату и слышу, что он идёт за мной.

У него взгляд настолько мужской, раздевающий, что я невольно чувствую лёгкий озноб. Прогоняю его из комнаты, закрывая дверь, и слышу недовольное ворчание.

– Как же тебя назвать? – задумчиво говорю, намыливая смирно стоящего в ванной кота. Он спокоен, глаза прикрыты. Ощущение, что он всю жизнь вот так мылся.

«Да ну! Бред!» – смотрю пристально на его реакции, – это не кот, а камень.

«Неее, бред!»

Пока кот уплетает мясо, прошу заметить запечённое с овощами, купленное, перед самым выходом из кулинарии местного магазина, наскоро моюсь сама, и захожу на кухню. Он отрывается от ужина и смотрит на меня, пока я обхожу его и ставлю вариться себе кофе. Едва я сажусь за стол с чашкой, он отворачивается и продолжает есть. А когда я встаю, чтобы пойти в комнату, становится у меня на пути и требовательно начинает орать.

– Я не понимаю, чего ты хочешь? – начинаю нервничать.

Поорав и не добившись от меня реакции, он идёт в комнату, ждёт, когда я сяду на диван, и одним грациозным движением прыгает мне на ноги. Какое-то время потоптавшись, он ложится мне на низ живота, и утыкается мордой прямо в промежность. Весь вечер читаю книгу, и наглаживаю своего нового друга. Думаю, как его назвать, и незаметно засыпаю.

Снится метро, тот самый взгляд, молния, мелькнувшая в шалых глазах страстного мальчишки, и кто-то зовёт меня. Вынырываю из сна по звонку будильника. Вся мокрая, а кот спит, уткнувшись мне в грудь и обнимая лапами.

– Мой мужчина, – довольно шепчу ему, а он открывает один глаз, потягивается и зевает.

Пока я завтракаю и собираюсь на работу, кот быстро съедает остатки мяса и просится выйти из квартиры. Выпускаю.

– Не забыть купить кошачий туалет, – напоминаю себе собираясь. А выйдя из подъезда, цепляюсь взглядом за парня, сидящего на лавочке. ОН. Он встаёт и медленно подходит, как будто боясь испугнуть меня.

– Привет.

Улыбается, притягивая взгляд своими пухлыми губами, а я заворожённо смотрю, перевожу взгляд на смешно дёрнувшийся кадык, и нелепый шарф в жёлто-зелёную полоску, выглядывающий из-под пальто. Ветер играет с его кудрями, и мне хочется одновременно прижаться к нему и сбежать.

– Как? – успеваю сказать я и тут же замолкаю под пальцами, коснувшимися моих губ.

– Я тебя нашёл, остальное неважно.

Чёрные глаза напоминают мне о коте, который совсем недавно выбежал на улицу.

– Его зовут Войс, – говорит парень.

– Ты о ком? – не понимаю я.

– О коте. Его зовут Войс.

– А тебя?

Он улыбается, протягивает руку и убирает прядь моих волос за ухо, и говорит:

– И меня. Войс.

Смотрю на него и не понимаю:

– О чём ты?

– Меня зовут Войс, – повторяет он.

– Как кота? Это шутка юмора такая? – продолжаю тупить.

– Я и есть кот, – улыбается он.

– Бред, – улыбаюсь и отступаю на шаг, – ты перечитал фэнтези или просто с не долеченной кукушкой.

Он медленно опускает руку и говорит:

– Ты мне не веришь.

И это даже не вопрос. Это утверждение.

– Давай поговорим вечером, когда я приду с работы.

– Хорошо, – отвечает и снова садится на лавочку у подъезда.

Прохожу пару метров, оборачиваюсь и спрашиваю:

– Ты весь день тут планируешь просидеть?

– Да, – лаконичный ответ в процессе распутывания наушников.

– Тебе нечем заняться?

– Нет. Мне некуда идти, – он сердито сопит как маленький ёжик, и это сводит на нет его потуги выглядеть крутым мачо.

– Ты не беспокойся, я найду чем заняться пока тебя нет, – через силу выдавливает он из себя.

– Кстати, я Вера, – быстро говорю и киваю.

Стараясь не оглядываться, бегу на остановку. За опоздание меня не похвалят.

Человек может ждать сколько угодно. Ему всего лишь нужно знать, что не зря

Зябко передёрнув плечами, пальто от холода не так уж и спасало, я задумался.

«Что же всё-таки произошло в портале? Почему именно этот мир? Да ещё и полностью техногенный. Как выбираться? Одно меня радует. Нежданно, я встретил женщину своей мечты. Сколько лет упрямых фантазий, а она оказалась реальной. Пусть она уже не так молода. Кстати, сколько они тут живут? Почему она одна?»

Неожиданно последняя мысль греет душу. Может она и не знала обо мне, но определённо ждала. А вот то, что живут здесь, похоже, мало, сильно озаботило.

«Ничего. Заберу к себе, сделаю своей, и молодость вернётся».

Внезапно вихрь этих мыслей прервался. Из подъезда вышла старушка с рыжим облезлым котом на руках. Тот, едва меня заметив, сразу выгнулся дугой, дико взмявкнул, вырвался из рук бабули и дал стрекача до ближайшего подвала. Бабка перекрестилась, смотря на меня в упор, и побежала за своим котиком. Я же, поняв, что слишком привлекаю ненужное мне внимание, пошёл в подъезд, залез на подоконник на этаже своей зазнобы, обернулся котом и лёг. Уже засыпая, промелькнула мысль: «А я ведь даже не узнал как её зовут!»

Время идёт, мимо проходят жильцы, норовя кто погладить, а кто и попинать. За день изучив все закоулки подъезда, в том числе и чердак, я наткнулся там на какой-то пакет тщательно утопанный в дальний угол за трубу отопления. Не сумев вытащить его котом, я перекинулся в человека и вытащил-таки его на свет. Внутри оказались какие-то бумаги и три пачки местных денег.

«Ну, хоть разжился средствами на крайний случай. Интересно, что за бумаги?»

Читать я на здешнем языке не умел, при переносе мир даёт только разговорную речь местности, куда переносишься, потому решил взять всё с собой и распихал документы и деньги по внутренним карманам пальто. Уже вечерело, когда я снова вышел на улицу, где за день значительно похолодало.

«Что же за местность такая! Мне так холодно ещё никогда не было».

В моём мире зима, как природное явление, выглядела как сильные дожди летом. Решив не ходить в магазин за продуктами, чтобы не пропустить прихода моей женщины, я опять сел на ту же лавочку.

Через некоторое время в подъезд зашёл какой-то мужик в объёмной куртке с капюшоном и замотанный в шарф. Почему я обратил на него внимание? Да потому, что через минут десять он выскочил из подъезда как камень из палинтоны* и заметался по двору, рыча что-то о том, что он порвёт того, кто «стырил его бабки», и разнообразя мои познания в сфере теоретических возможностей размножения некоторых видов обезьян с членистоногими. Наконец он остановился, увидел меня и быстро подошёл.

– Мужик, есть закурить?

– Я не курю, – ответил я.

– Слушай, ты не видел тут никого с пакетом шарящегося? – спросил он и посмотрел на урну, мгновенно узнав пакет, который я недавно выкинул.

– Вот с этим пакетом, – уточнил он хватая пакет.

– Не, я только недавно пришёл, – сказал я честно смотря ему в глаза.

– А ты к кому пришёл-то? – решил проявить он бдительность.

– Да на девушку залип, а она здесь живёт, вот договорился встретиться здесь с ней, – не моргнув выдал я.

– Так тут вроде и девок молодых не живёт, – мужик явно местный, знающий жильцов.

– Мы просто договорились встретиться у этого подъезда, – отмахнулся я ёжась от холода.

Руки немилосердно жгло морозом, я старался их греть, засовывая в карманы, а лицо прятал за жёлто-зелёным шарфом.

– А чёй-то ты лицо прячешь от меня? – подозрительно прищурился мужик.

– Замёрз я, сильно, – отбрил я его, – мужик, иди уже, не мешай девушку встретить.

Мужик мерзко хохотнул, ляпнул что-то про окучивание и количество дырок на население, и ушёл. Я, конечно, ничего не понял, но и задумываться не стал. Просидев так ещё с четверть часа, я наконец увидел её. В свете вечерних фонарей, она шла по тропинке к подъезду. Лёгкое облако светлых волос, маленькая фигурка в дутом пуховичке, большие зелёные глаза, маленький аккуратный ротик и тонкие пальчики рук. Всё в ней было какое-то родное и уютное.

И снова я еду в метро. Час пик, народу море. Думаю о Войсе.

«Надеюсь, ему есть куда пойти и где поесть».

Сержусь на саму себя, ведь я никогда не была равнодушной к чужим проблемам. Парень меня привлекает, но это же неправильно! Ему от силы лет двадцать пять, а может и меньше. А мне скоро будет сорок один. Толпа привычно выносит меня на станции пересадки. Неожиданно приходит мысль:

«А что если он весь день просидел у подъезда и голодный?»

Фыркаю от подобной мысли. Он же не совсем блаженный, чтобы сидеть на холоде весь день! Ведь правда? А вот голодным может быть запросто. Хмурюсь, в сердце поселяется щемящее чувство.

«Да какого чёрта! Он чужой человек!»

И тут же решаю зайти в KFS, взять ему хотя бы такой еды.

«Не надеется же он, что я его к себе пущу?»

С этими мыслями я и доехала до дома. А у подъезда увидела его, упрямо сидящего на холоде в своём тонком пальто.

– Ты всё сидишь? – стараюсь говорить без эмоционально, а на душе клокочет и щемит.

– Сижу. Мне некуда идти. Я в этом мире никому не нужен. Если только как питомец, – говорит он и отводит взгляд. Непроизвольно отмечаю, как трясутся его губы, вижу что замёрз. Замечаю и его голодный взгляд, прежде чем он отворачивается.

– Пойдём, погреешься, да и поешь у меня, – выдаю, прежде чем сама понимаю что сказала. И сразу же паникую. Я же его не знаю. Он видит мою реакцию и всё понимает по-своему.

– Зачем зовёшь, если не доверяешь?

– А ты бы доверял всем на моём месте?

– Нет. И знаешь, ты не обязана меня спасать, – морщится, растирая руки и пытаюсь согреться, – но если ты сможешь мне довериться, я не подведу. Я машу ему рукой, подзывая, и открываю подъезд.

– Пойдём, горе моё луковое, – снисходительно улыбаюсь и тут же застываю от осознания фразы сорвавшейся с губ.

Он как замороженный смотрит на мои губы. Притискивает меня к двери ставя руки с обеих сторон от головы и, почти коснувшись моих губ, тихо шепчет:

– Твой, не сомневайся, – и проходит в подъезд.

Примечание к части

*Палинтоны – здесь читай катапульты (Греки именовали подобные камнемёты «палинтонами»), то есть стреляющими по навесной траектории)

Глава 2

Ищи добра, а худо само придет

Зайдя в квартиру, он быстро скинул пальто и прошёл в ванную комнату.

«Откуда он знает, где ванная?»

Но больше всего меня поразило, что он знал, что у меня лежит в холодильнике, потому что моя руки, он крикнул:

– Сегодня, надеюсь, у тебя есть что-то кроме вчерашних мяса с овощами?

Зависнув на пару мгновений и увидев выглядывающего из ванной мужчину, я ответила:

– А ты откуда знаешь, что было вчера?

– Я же говорил: я и есть тот кот, которого ты вчера пригрела.

– Докажи, – не удержалась я от издёвки.

Войс закатил глаза и с видом мученика простонал:

– Нуу, ладно, сейчас.

Вышел из ванной через минуту в одних боксерах, ошпарив мои нервы огнём смущения и жара в районе живота, всё же хорош стервец, и слегка заискрив, пропал. Моргнув, я обнаружила на месте мужчины того самого чёрного кота. Он сладко потянулся, показательно вытянув заднюю лапку назад, и прижался лбом к моей ноге.

Аут.

Пришла в себя я на кухне. Сидела и смотрела, как он жарит картошку, автоматически потягивала мелкими глотками чай с запахом настойки пиона, нервно подмигивая сама себе.

– Я предупредал, а ты заладила: «Не верю, не верю».

– Войс, – наконец просипела я.

– О, очнулась, – развернулся он ко мне, предварительно накрыв картошку крышкой и сняв с огня.

– Тты, – я вздохнула судорожно глубже, – Ты зачем вчера залезал ко мне на живот?

– Ну, – слегка смутился он, – запах у тебя очень привлекательный. Хотел хоть так побыть к тебе ближе.

– Почему? – только и спросила.

– Потому что...

Наш разговор прервал звонок в дверь. Дверь я никогда не открываю полностью, всегда через цепочку. На пороге стоял незнакомый мужик со скорбным выражением лица.

– Что вы хотели? – спрашиваю, приоткрыв дверь.

– Подскажите, вам котик чёрненький не попался? У дочки маленькой сбежал, вот ищем, – и так махнул рукой, мол «надоело искать, сил нет».

– В подъезде вчера крутился, какой то чёрный с белым пятнышком на лбу, – участливо ответила я.

– Не, наш весь чёрный, – ответил тот и, уже отворачиваясь, пробубнил, – ищи его теперь, утырка. Вот чего его понесло в этот район?

Проводив глазами этого «поисковика котикового», я вернулась на кухню.

– И кто тебя ищет?

– Вероятно те, кто помог попасть в этот мир, – ответил Войс, – убить не смогли, так решили добить здесь.

– И кому ты так понадобился? И почему? – задала насущный вопрос.

– Кому... точно не скажу, но на примете есть кандидат. А вот почему? Ну, тут два варианта, – загадочно ответил он.

– И какие?

Войс на мгновение замялся, а потом выдал:

– Или, хотят занять моё место, или не хотят чтобы я нашёл тебя.

Немая пантомима «а при чём тут я?» продолжалась несколько минут, в течение которых я успела намахаться руками, глотнуть чаю и подойти вплотную к Войсу, тыча в него пальцем. Последнее решило всё. Меня сграбастали крепкие руки, и я с размаху впечаталась в литые мышцы груди этого «кота». Пока я притихшая млела в его руках, моя макушка подверглась тщательному копошению с целью обнюхивания, а затем меня плавно потянули вверх. Едва касаясь пола носочками, я вскинула голову и увидела сияющие кошачьи глаза, прежде чем мои губы накрыл сладкий, крышесносный поцелуй.

«Что я творю? Он же совсем мальчишка!»

Я задёргалась, пытаясь выскользнуть, и он отпустил, спрашивая:

– Что-то не так?

– Конечно не так! – пискнула я. – Ты не понимаешь?

Он помотал головой и скрестил руки на груди, невольно притянув мой взгляд.

– Я старовата для тебя, – вытолкнула я из себя признание, смущавшее меня.

Я ожидала чего угодно, но не задорного ржания.

– Сколько тебе лет? – спросил этот «кот».

– Сорок, – отводя глаза, буркнула я.

– А мне семьсот тридцать, – хмыкнул он, – и кто из нас староват?

Я ошалело взглянула на него, и поинтересовалась:

– Сколько же вы живёте?

– В среднем три тысячи земных лет. Я в самом расцвете сил.

– А мне осталось лет двадцать, если повезёт, то тридцать, – строго сказала я, и ушла в комнату.

Сегодня вечером я решила поработать, поэтому не пошла на диван, как рассчитывал, судя по всему, Войс, а села за компьютер. Едва я нажала кнопку старта, и комп слегка загудел, как Войс метнулся ко мне и выдернул со стула, пряча меня от гудящего ящика. Сначала тихонько, а потом всё более распаяясь, я начала смеяться. Пока меня плющило и прибивало с подвываниями к земле, он стоял с укоризной глядя на меня. Когда я наконец-то смогла говорить, не срываясь на ржач, он спросил:

– И что ты увидела смешного в моих действиях?

– Извини, это, видимо, нервное. Ты не знаешь что такое компьютер? – всё ещё улыбаясь, я вновь села в кресло перед экраном с загрузившимся рабочим столом.

– Конечно, не знаю, я из другого мира, – устало вздохнул он.

– Хочешь увидеть? Может что-то интересует? Что-то нужно узнать? – спросила я открывая «Гугл Хром».

Он задумался на пару мгновений, а потом спросил:

– А ты можешь найти места силы?

– Энергетические точки земли? – уточнила я.

– Эмм, ну да, – с сомнением ответил Войс.

– А тебе, положительные, или отрицательные нужны? Просто я не знаю направленность твоих сил, но, как я поняла, ты ищешь место способное восстановить твои способности, – выдала я с умным видом.

– Откуда ты знаешь про такое? – вздохнул мужчина. – Вроде, у вас техногенный мир.

– Техногенный, – подтвердила я, – только наука наша давно уже доказала, что места силы реальны, и всю их изучает. Я усиленно стала рыться в сети, и через некоторое время, пока Войс смотрел на мелькающие на мониторе статьи и картинки, спросила его:

– В нашей стране самые известные есть четыре такие точки. Ты как относишься к холоду? – и взглянула на него. Войса передёрнуло, он выразительно-обвинительным взглядом прошёлся по моему лицу.

– Понятно, тогда тебе подойдут только Дольмены Кавказа, – сделала вывод я, – да и то, месяца через три.

– Почему? – спросил мужчина нахмурившись.

– Ну, потому, что пока там холодно, как и здесь. А остальные места ещё более холодные.

– А в других странах? – с надеждой спросил он.

– А в другие страны нужны документы. У тебя есть? – ехидно спросила я.

– Нет, конечно, но мы это исправим, – сказал этот... кот, и вышел из комнаты.

Пока я осмысливала ответ, он вернулся с пачкой денег и положил их на стол.

– Этого хватит на решение вопроса с документами?

Увидев пачку тысячных купюр евро, я аж подскочила.

– Ты кого грабануть успел, чертяка?

Он пожал плечами и ответил:

– Никого. Я их нашёл недалеко, в пакете.

«Лучше мне не знать», – подумала я. Сочтя моё молчание закрытием темы, он спросил снова:

– Так что у нас с другими странами? И с документами?

– Ближайшая и самая сильная расположена в Болгарии, Рила*. Второй вариант в той же стране, называется «Каменный лес»**

– Тогда нам стоит посетить эту страну, – задумчиво сказал Войс.

– НАМ???

Примечание к части

*Рила – Болгария. Горный хребет и озеро.

**"Каменный лес" – природное Место Силы, издревле представлял собой «заколдованное место», где с людьми происходили необычные вещи. Находится он к западу от Варны и представляет собой небольшую песчаную пустыню с каменными колоннами фантастических форм и размеров.

Нет ни одной проблемы, которая не несла бы в себе даров

Вера смотрела на меня с изумлением и, кажется, даже немного сердилась после моего заявления.

– Конечно Нас! Ты же не думаешь, что я, едва найдя тебя, поеду куда-то один – растерялся я.

– У меня своя устоявшаяся жизнь, работа, – начала она частить, – да и отпуск у меня не скоро.

– Уволься.

– Да с чего бы я должна ломать свою жизнь под тебя? – всё больше распалилась она, уже встав с кресла и скрестив руки на груди. – В конце концов, я взрослая самостоятельная женщина.

– Ты, правда, не понимаешь? – тихо спросил я.

– Не понимаю. Я же не знаю тебя и твои мотивы, – фыркнула Вера и дёрнулась в сторону выхода из комнаты. Я поймал её в свои объятия, прижал к себе, и тихо сказал:

– Ты нужна мне. Я искал тебя семь сотен лет во всех мирах. Ты понимаешь? – вздохнул, и продолжил, – когда такой как я встречает свою женщину, не важно становится всё, что не касается её. Я могу просто попытаться быть рядом с тобой до твоей скорой смерти, а могу найти путь в свой мир, и забрать тебя туда. Разделить с тобой свои годы жизни, вернуть тебе молодость, просто... Просто любить тебя.

И ещё тише добавил:

– Любить больше жизни, встречать с тобой тысячи рассветов и закатов во всех известных нам мирах, растить наших детей и жить полной жизнью. Не сидеть в скворечнике из бетона и пластика, ожидая нового рабочего дня, а быть свободными. У меня есть возможность дать тебе всё это. Просто позволь доказать, что жизнь может быть иной, – и отпустил её.

Она стояла с закрытыми глазами и молчала.

И это были самые жуткие за всю мою жизнь минуты.

В голове проносилась череда вариантов развития событий, и холодный липкий страх схватил меня за горло, едва я допустил мысль, что она откажется. Я уже начал впадать в панику, со всей дури сжимал в руках край футболки и покусывал губу, когда она наконец подняла на меня взгляд и спросила:

– Ты действительно хочешь всего этого со мной?

Я нервно усмехнулся, кивнул и застыл потрясённо, едва она ответила на мой кивок оригинальной фразой:

– Только ты учти, я не опытна в любовных делах, – и смущённо добавила, – совсем неопытна. Так сложилось, что все кто хотел со мною быть, были мне не нужны и не интересны, а быть с кем-то без чувств я не хотела. Сглотнув, я спросил:

– И что, никого? Никогда? За столько лет?

– Да, – и, краснея, попыталась проскользнуть мимо меня из комнаты.

Я поймал её и прижал к себе как великую драгоценность. Лихорадочные мысли роились в голове, выделив самую важную, я выдохнул в её губы:

– Это было «Да»?

– Да, – тихий ответ.

Глаза в глаза.

Горячее дыхание на моих губах и влажный язычок Веры скользит, облизывая её собственные, пересохшие. Сминаю со стоном эти губы, врываюсь в её ротик, захватывая в плен язычок, лаская его нежно и настойчиво. Сам себя уговариваю остановиться, не пугать Веру, и

со стоном отстраняюсь. Смотрю в её затуманенные глаза. Ласкаю руками и взглядом тело. Она постепенно приходит в себя и смущённо говорит, явно стараясь отвлечься:

– Нужно сделать тебе паспорт.

Киваю и, стараясь ни звуком не нарушить то волшебное, что связало нас, отпускаю её руки, медленно соскальзывая пальцами с её пальчиков. Она всё же выходит из комнаты, и я слышу щелчок включаемого чайника, грохот переставляемой в холодильнике посуды, хлопок и невнятное шипение Веры. Стоп. Шипение Веры? Несусь на кухню, и вижу как Вера выбрасывает осколки чашки держа палец во рту.

– Что случилось? – с трудом выталкиваю из себя, а сам уже ощупываю её.

– Палец порезала об осколок, – и показывает рассеченную подушечку.

Лихорадочный спор с самим собой, не обернётся ли моя поспешность потом её обидой, но отметаю все доводы и импульсивно говорю:

– Можно? – тянусь к её пораненной руке.

Она доверчиво даёт мне свою руку. Нахожу в себе силы сказать:

– Ты не против, если я привяжу себя к тебе? Тебя не обяжет, а я тебя, если что, почувствую всегда и везде. В пределах мира. – Лукавлю. Привяжет, эмоциональная связь не бывает односторонней. Она даже толком не думала, просто кивнула. Лизнул палец, почувствовав на губах и языке её кровь. Пузырящееся чувство счастья до головокружения, мгновенное «узнавание» и я уже шепчу:

«Ни в беде ни в здравие, не предам не покину, ты моя единственная и я твой едино навек».

Шепчу ей с надеждой:

– Примешь меня мужем своим?

Вижу в глазах шок, она дёргается, вырывая руку, но я держу крепко и шепчу не теряя надежды:

– Понимаю, что не достаточно знаешь пока, но я ведь тебе нравлюсь? Хоть немного! Просто скажи: «Принимаю!» Прошу! Верочка...

Она розовеет, видимо что-то себе надумав, и еле слышно шепчет:

– Принимаю.

Взрыв моих эмоций смешивается с мгновенно прошившей болью под лопаткой, где расцветает знак моей принадлежности этой женщине. И нет ни единого мига сожалений, а есть только торжество, что она меня не оттолкнула, доверилась. Меня выгибает от резкой боли и я падаю перед ней на колени, а у неё на запястье проявляется тонкий неснимаемый браслет, сплетённый из двух полосок белого и жёлтого металла в виде цепочки ДНК, в которой между полосок вставлены бриллианты. Она растерянно смотрит на браслет, затем на меня и, видя, как я морщусь от боли, срывает с меня футболку и потрясённо смотрит на расцветающую, на её глазах, печать принадлежности в виде всё той же цепочки ДНК скрученной в знак бесконечности. Я знаю, что она видит, потому что видел уже такой знак у своего отца, а вот то, что через этот знак не только я её буду чувствовать, но и она меня, я не учёл. Вся моя боль обрушивается на неё лавиной.

Она стонет, сползая по стене и выгибая спину. Хватаю её и бегу в ванну, снять боль горячей метки, пусть и фантомной. Сдёргиваю одним движением с неё вещи, и встаю под душ с ней на руках. Прямо в штанах и носках. От ледяного душа она мгновенно пришла в себя, вцепившись в мои плечи, и зашипела не хуже пустынной гадюки:

– Шшшш... Холодно!

Мгновение, она выскальзывает из моих рук и вцепляется в шарики, как я узнал позже, регулирующие температуру воды.

– А так тоже можно? – спрашиваю я и чувствую, что вот-вот не сдержусь и начну смеяться. Она первая срывается и начинает смеяться, оседая в ванну.

– Ты что, мылся в ледяной воде всё время?

Глава 3

Без рассуждения не твори осуждения

Я все еще пребывала в прострации от его вопроса о доверии и принятии его как мужа. Но боже, как же было приятно, что он не сомневался в себе, как большинство знакомых мне мужчин. Всё происходило слишком быстро, но пока отторжения на интуитивном уровне не было, я смирилась. Уж очень хотелось знать: мой ли этот мужчина. Неожиданностью для меня стал браслет, оплетающий запястье, и тату, проявившееся на его спине. И боль!

Очнулась я в ванной под ледяным душем и зашипела, сама себя удивив. А поняв, что он не знал, что можно регулировать температуру воды, засмеялась.

– Ты что, мылся в ледяной воде всё время?

Вид смущённого котика вызывает во мне неконтролируемый хохот, а потом, когда мы вместе усаживаемся на полу в ванной, смеясь и утирая слёзы, меня накрывает нежность. Он дёргается и смотрит на меня, на мои губы голодными глазами, и я чувствую его потребность во мне. Это так феерично, так тягуче томно, что во мне расцветает желание броситься в омут, а он подхватывает моё настроение, чутко улавливая мои эмоции. Мы набрасываемся друг на друга. Во рту взрываются как в детстве, карамельки с эффектом шипучки. Зажмуриваю глаза, доверчиво прижимаясь к его губам, и он не разочаровывает. Вкус карамели с персиком дурманит, и я уже сама жарко отвечаю на робкие попытки его языка. Он смелеет и врывается с яростной страстью, сжимая мои плечи, ныряя пальцами в волосы на затылке, и спускаясь по позвоночнику. Едва он прикасается к моей груди, как меня простреливает мысль:

«Что я творю? Нужно остановиться! Это не я!»

По моему настроению он всё понимает и со стоном разрывает наш контакт.

– Чего ты испугалась?

«Он действительно не понимает, почему я остановилась», – мелькает у меня мысль, и для её подтверждения я спрашиваю:

– У вас в мире девушки легко идут на полный контакт с мужчинами?

– Если ты имеешь в виду все эти танцы вокруг девственности, то да. У нас нет культа невинности. Девочки даже обучаются в начале своего становления некоторым вещам. Хотя твоя невинность, безусловно, для меня очень пикантная неожиданность.

– У нас здесь уже давно нет культа невинности, но всё же многие девушки свой первый раз хотят провести не на полу в ванной, – попыталась я донести до него мысль.

Он помог мне подняться и встать под душ, чтобы согреться. Сам аккуратно снял намочившие вещи и быстро завернулся в полотенце. В моё полотенце. Оставив мне ощущение томления от вида его явного желания.

– И чем я буду вытираться теперь? – спросила я его, улыбаясь.

– У тебя же есть ещё где-то другие полотенца? – и смотрит на меня, прося.

– Да, в шкафу, в моей комнате, – говорю я и поворачиваюсь к нему спиной, чтобы помыться.

Сквозь шум воды слышу его судорожный вздох, чувствуя спиной, как он залипает на моей попке, затем скрип двери и мокрые шлепки ступней в сторону комнаты.

Вышел из ванной в полной прострации. Перед глазами стоит Вера под душем. Руки в волосах и слегка прогнувшаяся спинка, с оттопыренной попкой. Ради её спокойствия почти за шкуру выгоняю себя из ванной. Нужно найти ей полотенце, а то что на мне практически прижато к животу поднявшимся...

Эх, нужно отвлечься. Некоторое время трачу на поиски в шкафу полотенца. Найдя, стараюсь успокоить разбушевавшееся либидо и стучу в дверь ванной комнаты. Без позволения не рискну зайти, иначе её ничто не спасёт сейчас.

– Входи, – слышу её голос.

В первую очередь, приоткрыв дверь, просовываю полотенце. Почти сразу она его забирает, и пошуршав им, выходит в облаке пара. Её глаза сверкают, а черты лица выглядят более гладкими. Или это из-за пара так кажется? Не могла же она в этом мире начать омоложение? Или... что если у неё есть способности? Иллюзия рассеивается, когда пар пропадает, и сожаление, вперемешку с осознанием, что я ошибся, выдают мои глаза. Если не кривить душой, то мне немного жаль, хотя она выглядит потрясающе.

По-моему она уловила моё сожаление, и неправильно его истолковала. Потому что её лицо становится сначала удивлённым, потом на мгновение мелькает в глазах боль, и тут же застывает маской безразличия. Вот и всё. Мгновение, и дверь её души захлопывается перед моим носом. Страх, что я теряю её, полоснул острым ножом по нервам, и я дёргаюсь как от удара по лицу. Губы белеют, переходя в синеву, дыхание перехватывает, и я хриплю:

– Что ты себе придумала?

– Я придумала себе любовь, – выдавливает она и уходит в комнату.

Садится за компьютер, кому-то пишет, и скрещивает руки, ожидая ответа.

– Почему придумала? – не отстаю я, пытаюсь, как мазохист достучаться до неё.

– Потому что не получив того, что ожидал, ты изменился.

– Ты не поняла моих чувств. Но сразу приняла решение и закрылась, – с горечью констатировал я.

– Думаю, я всё правильно поняла, – парировала Вера, – ты просто не признаешь этого.

Я покачал головой, постепенно злость набирала обороты.

– Если ты настолько не доверяешь, то почему ещё не выгнала?

– Я обещала помочь с документами, – лезвием полоснул ответ.

Из ярости меня бросает в отчаяние, с силой впечатывая мою гордость в пол.

– За что? – тихо спросил я и опустился на колени возле неё.

Недоумение на её лице борется с чувством вины. Не умеет она держать маску.

– Ты испытал разочарование, а значит, я в чём-то тебя не устроила.

– Глупости. Я в клубах пара увидел твоё лицо, и мне показалось, что ты начала изменяться, что не должно быть в этом мире, если ты не обладаешь силами, – уже почти закричал я. И понял по её реакции, что только что произошло. Её глаза заблестели от непролитых слёз, и она прошептала:

– Вот такая я эмоциональная дура.

Порывисто вскочила со стула и убежала из комнаты.

«Когда уже эти качели эмоций закончатся? Гормональная перестройка? Что её вызывает?» – мучительно билось в моей голове, пока я ловил по квартире МОЮ женщину.

– Почему твои эмоции так скачут? – спрашиваю её, едва ухватив за локоть на пороге кухни, и в этот момент к ней на почту приходит ответ от того загадочного собеседника.

– Кому ты писала? – ревность закипает во мне, неконтролируемой лавой растекаясь по венам. Я разворачиваю её и прижимаю спиной к стене. Её глаза расширяются, губы подрагивают, и на щеку падает драгоценная капля её слезы. Мысленно себя четвертую, но жажда обладания и ревность сильнее, и я повторяю вопрос.

– Тому, кто сделает тебе документы, – отвечает она и всхлипывает, закусывая нижнюю губку.

В растерянности отпускаю её. Я не могу себя простить за агрессию, поэтому говорю:

– Прости.

Быстро одевшись в мокрые вещи, так и валявшиеся на полу в ванной, вылетаю из квартиры.

«Как я мог? Я не могу испоганить её жизнь, влезая в неё грязными ботинками своих комплексов».

С ужасом замираю, осознав, что всё, что я чувствовал, она сполна пережила со мной. Мы связаны. И у меня есть только один путь отныне. Стреножить свои чувства ревности и собственника. Им нет места в этом мире, да и в душе моей чистой девочки не хочется посеять ещё больше сомнений.

Хочешь узнать человека – соверши с ним путешествие

Проводив взглядом Войса, я обнимаю себя руками, судорожно соображая, почему мы так остро реагируем. От волнения меня слегка подташнивает, а внизу живота наливаются тяжесть, простреливающая в лоно. С ужасом осознаю, что это значит, и иду к шкафу.

«Как же это не вовремя», – досада вырывается из меня потоком пыхтяще-свистящего шёпота. Быстро привожу себя в порядок. Засовываю руки в рукава халатика, а ноги в домашние угли из овчины. Отвечаю на сообщение «благодетеля» из паспортного стола, обещая отблагодарить, и иду на кухню. Дела приходят и уходят, а кушать хочется всегда. Слышу стук о косяк, и только тогда замечаю, что в дверях стоит Войс с букетом ирисов. Пару мгновений мы смотрим друг на друга, а затем его зрачки становятся вертикальными, и он втягивает носом воздух. Букет ещё летит в сторону мойки, а он уже обхватывает мои плечи и взволнованно спрашивает:

– Почему пахнет кровью?

Я заливаюсь краской, пытаюсь сказать, что всё в порядке, и силясь вырваться из его объятий.

– В каком порядке? – сатанеет Войс. – От тебя пахнет свежей кровью! Твоей. Сладкой. Крышесносной. Кровью!

– Это женская физиология моего мира! – наконец выкрикиваю я.

И уже тише, но уверенней тараторю:

– Каждый месяц организм наших женщин таким образом очищается, готовясь к новой овуляции и возможному зачатию. Он потрясённо смотрит на меня и, сглотнув, уточняет:

– То есть ты можешь понести каждый раз после вот такой, хм, чистки?

– Ну да. А у вас нет такого?

Он мотает головой и, чуть помедлив, спрашивает:

– А во время этой чистки ты понести можешь?

Мне становится смешно, но я стараюсь сдержаться и со всей серьёзностью отвечаю:

– Мало шансов, но тоже бывают прецеденты.

Его взгляд становится нечитаемым, столько там всего намешано.

«И вот пойми, радуется его эта новость или нет!»

– У нас женщины раз в полугодие, обычно весной и осенью, испытывают что-то вроде повышенного желания. В это время и создают пары. А отдельная каста, таких самцов как я, вообще пару создают, только найдя свою единственную.

– А единственной это чем грозит? – нервно хихикнула я.

– Единственной это грозит пожизненной эмоциональной привязкой, а если пара постареется, то и счастливой семьёй. Мы бы и дальше выясняли особенности наших рас, но меня отвлек шум закипающего бульона. Я продолжила готовить, а он сел за стол, предложив помощь в чистке и нарезке овощей для супа. Вдвоём мы управились быстро, и почти сразу услышали сигнал пришедшего сообщения.

В этот раз он не стал бурно реагировать на сообщение от другого мужчины, приятно разнообразив впечатление о своём темпераменте. Да и было бы на кого реагировать. Вениамин Яковлевич, поклонник моей почившей матушки, работал в паспортном столе и слыл тихим старичком с прибабахом на почве мелких собачек.

– Завтра можно уже идти за твоим новым паспортом. И загран тоже сразу сделали и тебе, и мне, – улыбаясь, сказала я, повернувшись к Войсу.

– Когда лучше отпраиваться в эту Болгарию? – спрашивает он, доставая из мойки букет. Не переставая улыбаться, беру вазу из старенького серванта и передаю ему.

– Я не смогу раньше отпуска, или увольняться нужно.

– Уволься, – уверенный ответ. Он бросает на меня взгляд из-под ресниц, наполняя вазу водой и ставя цветы.

– А жить я на что буду?

Он пожимает плечами.

– У меня достаточно средств и в этом мире, и в своём.

– А нам не прилетит от источника твоих средств в этом мире? – ехидно спрашиваю Войса, уже ища нам в сети билеты.

– От этого, не прилетит, – серьёзно отвечает, ставя наконец вазу с цветами рядом со мной на столе, – а вот моих обидчиков стоит ожидать. Так просто они не сдадутся.

– Это те, что искали «котика»? – поднимаю на него глаза.

– Угу, – задумчиво говорит он.

Помявшись, он спрашивает:

– Где мне сегодня можно поспать?

Я стараюсь не смеяться, хотя меня распирает глядя на его выражение лица. Легендарный «котик из Шрэка» удавился бы от зависти.

– Нуу, – нарочно тяну я, – если котиком, то можно и со мной.

Грустный вздох и ласковое поглаживание моего плеча.

– Почему я не удивлён? – вздыхает, и не успеваю ему ничего сказать, как он уже сидит передо мной в своей мохнатой ипостаси.

«Может оно и к лучшему», – думаю я через некоторое время, лёжа в кровати и поглаживая кота за ушком. Сны сегодня были особенно яркими.

Во сне я была на качелях в ярком летнем саду густо заросшем белыми пионами. Мой лёгкий сарафан василькового цвета и распущенные волосы приятно щекотали кожу при каждом движении. А потом, эта приятная щекотка спустилась по груди вниз, задержалась на животе и невесомо прошла по внутренней части бёдер, породив приятные мурашки и вызвав тихий стон.

А утро ворвалось в мои сны громким звонком в дверь. Обнимающая меня под грудью рука, лежащего сзади мужчины, напряглась. Рука? Мгновение назад мирно спящая, я подлетела на кровати, как ужаленная, и только потом поняла, кто спит со мной рядом. Сердце бьётся как заполошное, а в дверь настойчиво названивает кто-то очень нетерпеливый.

Слетаю с кровати сразу в угги, на бегу натягивая халатик. У двери притормаживаю, ногой придвигаю низенькую ступеньку, и смотрю в глазок. Из глазка на меня смотрят двое мужчин. Ну, это мне кажется, что на меня, а на самом деле на мою дверь. Один из них тот самый «папа девочки-кошатницы», другой – мелкий рыжий мужик неопределённого возраста с лицом «крысиная мордаха». Доверия уж точно не вызывает. Спрашиваю, не открывая дверь:

– Кто вы и что вам нужно?

Войс уже стоит рядом и втягивает носом воздух. Кривится, словно учуял падаль, и шепчет мне на ухо:

– А вот и мои «доброжелатели», – и добавляет: – Не вздумай открыть им дверь. Они уже поняли, что я у тебя, и пока их сдерживает только возможное внимание твоих соседей. Они, кстати, почти в полном составе сейчас прилипли к дверям, судя по запаху. При этом он водил носом как заправской кошке и даже чихнул, видимо уловив непередаваемое амбре соседских собак. За дверью начинается копошение и снова звенит звонок.

– Открывайте, девушка, лучше по хорошему, – слышу угрозу от «кошатника», – ему от нас всё равно не уйти.

– Кому? – спрашиваю чисто из вредности.

– Тому, кого вы скрываете в своей убогой квартирке, – ехидно пищит второй пришелец.

– Убирайтесь, пока я не вызвала полицию, – храбро отвечаю им, а саму слегка знобит.

Тёплые руки обнимают меня за талию и невесомый поцелуй достаётся моей макушке со спутанными со сна волосами. Вжимаюсь спиной в такие надёжные объятия и, закрыв глаза, жду. Удаляющиеся шаги повизгивающего рыжего и басовитого бугая становятся самой желанной музыкой. С облегчением выдыхаю и, развернувшись в руках Войса, шепчу:

– Пойдём, выберем билеты. Не могу и не хочу здесь оставаться.

Глава 4

Своего спасибо не жалея, а чужого не жди

Все данные по нашим паспортам Вениамин Яковлевич мне любезно выслал, потому купить билеты до Варны не составило труда. Уволилась я без особых сожалений сразу, как увидела деньги честно присвоенные Войсом. И совесть меня перестала мучить как только Войс пересказал мне разговор с тем козлом, у которого они были стянуты.

Войс тихо угорал, глядя на мою злобную красную мордашу. Потом легко обнял и, слегка сжав, тут же отпустил. Вздохнул.

– Ты такая маленькая, что я каждый раз думаю, не навредил ли тебе, обняв.

Глупо, но настроение у меня поднялось. И незачем ему знать, что тот, кто изучал не один год акупунктуру, скрутит в бараний рог любого.

– Надо будет тебе показать, что может эта «маленькая», – хихикнула я.

А Войс похоже задумался. В его взгляде появилось что-то новое, чему я не смогла пока дать определение. Завтрак мы решили совместить с походом в паспортный стол. И всё наше путешествие прошло на удивление спокойно. Никто не пристал, никого Войс не почувствовал с помощью своих способностей, и даже никто из соседей не удивился, увидев нас. Хотя нет. Один момент нас всё же взбодрил. Уже заходя в подъезд, мы столкнулись с бабушкой-кошатницей которая несла рыжего кота. Увидев нас, кот зашипел и дал дёру от бабульки, Войс ухмыльнулся, а бабуся перекрестилась и взвыла:

– Изыди!

Войс заржал как конь, и не мог успокоиться до самой квартиры, а потом рассказал, что это его вторая встреча с этой парочкой. Вместе смеясь и перешучиваясь, мы решили собрать мне сумку. Билеты были куплены на вечер следующего дня. Пока собирались, меня периодически зажимали и всю зацеловывали. А когда сумка была собрана и мы пошли пить чай, Войс, смотря на меня с теплом в глазах, неожиданно сказал:

– Спасибо!

Утро расставило для нас всё по местам, и я позволил себе поверить, что Вера хочет быть со мной. Меня переполняла эйфория. Предвкушая совместную поездку и планируя ритуалы, я решил как можно больше выяснить о тех местах силы, что мы выбрали. Но это будет ночью. А сейчас...

Сейчас я сижу и смотрю на Веру. Мне так много хочется ей сказать! Столько нежности, благодарности и лёгкости на душе, что я и сам не замечаю, что говорю:

– Спасибо!

«Она немного удивлена. Неужели не понимает, что она сейчас для меня делает? Или она наоборот слишком всё понимает?» – думаю я.

Она скромно отпивает из кружки чай, поднимает на меня глаза полные светящихся бесенят и улыбается.

– Я и мечтать не могла, что смогу встретить тебя.

Для меня это полный нокаут. До боли хочется быть ей ближе, но я понимаю, что подгоняя её ничего хорошего не добьюсь. Аккуратно беру её руку и пожимаю пальчики. Взглядом скольжу по её лицу, и стараюсь не наброситься на эти губы. Сглатываю. Нужно ответить ей.

– Я собираюсь навсегда поселиться в твоей жизни, так что освободи мне местечко в сердце.

– Ты уже в нём.

Чувствую, как губы растягиваются в улыбке. Вера стремительно прорастает в моей душе. Какое у неё говорящее имя: ВЕРА. Нежность ласковой волной плещется в груди, едва я подумаю о ней. Скашиваю взгляд на паспорта, лежащие на полочке у двери. В них уже вложены билеты и файл с визами. Сумасшедший мир с жёстким контролем передвижения. Тотальная слежка. Меня непроизвольно передёргивает. Не хочу, чтобы Вера жила в этой клетке. Как моя нежная девочка вообще здесь выживала? Нужно выяснить, держит ли её здесь что-то.

Загоревшись новой идеей, протягиваю руки к мельтешащей перед глазами женщине и мгновенно утопаю в её запахе. Смесь запахов её тела, отголосок крови и что-то неуловимо сладкое, но не приторное... глаза сами закрываются и я, держа своё счастье за талию, трусь виском, а затем и носом о её макушку, прижимаясь к её спине.

Очнулся как только осознал, что лежу и мурлычу на ушко Вере, активно отираясь всем телом о её. И ведь она не сопротивляется, глаза закрыты, ротик приоткрыт и частое дыхание с лёгкими, едва слышными вздохами-стонами. Ласково оглаживаю холмики её груди, задевая остренькие маленькие сосочки, твердые, словно камушки, и просящие ласки. Просовываю ногу между её ножек, и чувствую, как там горячо. Мой хвост нервно шарит по её ножке...

Погодите, хвост??? Сознание получает резкого пинка, и я уже полностью себя контролирую.

«Откуда хвост? Не полный оборот в нашей расе свойственен только правящему роду, как третья боевая ипостась! Но! Я не из правящего рода! Что за...»

Мысль ускользает, едва Вера открывает глаза, ещё затуманенные страстью, и спрашивает, облизнув губы:

– Что это было?

– Это были инстинкты, – улыбаюсь я, а сам соображаю, что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.